МАРИЯ ЛЬВОВА-СИНЕЦКАЯ

ЕЕ СУДЬБА актрисы сложилась счастливо. Марии Львовой-Синецкой едва исполнилось девятнадцать, когда на нее обратил внимание в Рязани известный драматург, переводчик, директор московского театра Ф. Ф. Кокошкин и пригласил переехать в Москву для участия в спектаклях.

На протяжении достаточно долгой артистической жизни имя актрисы не сходило с афиш, соседствуя с фамилиями Щепкина, Мочалова, Репиной, Шаховского, Писарева, Ленского.

Дошедшие до нас воспоминания ее современников — Кокошкина, Аксакова, Соловьева, Арапова — дают возможность нарисовать ее образ ярким и притягательным. Привлекательный, женственный облик актрисы, доброта и участливость в судьбах окружающих, редкая для женщин того времени сосредоточенная работоспособность — она готовилась к роли всегда загодя, являя на встретившихся ей людях свое представление о тех или иных, новых для нее чертах характера или поступках. Умение и желание общаться, жадно впитывать услышанное или увиденное — все это вызывало ответный интерес к ней, собирало избранный круг блестящих собеседников. В нее влюблялись, чему, конечно, весьма способствовало редкое сочетание таланта, красоты, обаяния, ума.

Композитор Александр Варламов часто бывал в доме актрисы и, как считали современники, сочинил свой знаменитый романс «Красный сарафан» на слова Николая Цыганова именно в пору, когда был влюблен в Синецкую...

Любопытно, что она соединяла в себе черты характера противоположные на первый взгляд, даже противоречивые: добрая, отзывчивая, заботливая, то есть наделенная от природы чисто женскими качествами, она не любила пребывать в обществе женщин, объясняя это нежеланием тратить время на пустую болтовню и светские сплетни, считая их занятием недостойным. И в то же время в ее доме постоянно жили какие-то девушки, старушки, которым она охотно давала приют и помогала в трудную минуту.

Сергей Тимофеевич Аксаков вспоминает, как он был доволен тем обстоятельством, что больного тогда водевилиста Писарева удалось поселить в том же доме, где жила Мария Дмитриевна.

«Она любила Писарева,— пишет Аксаков,— как брата, и я был уверен, что она не оставит его без участия и помощи, а умного женского участия при постели больного — ничто заменить не может».

В свое время впервые о Синецкой сам Аксаков услышал от Кокошкина, который однажды встретил его в своем доме такими восторженными словами о юной актрисе:

«Ах, да вы не знаете ее: какой я нашел талант для Москвы и где же? В Рязани... Синецкой девятнадцать лет, собою прелесть, страстно любит театр, умна и готова учиться с утра до вечера...»

Чаще всего она выступала в спектаклях с Мочаловым-младшим, Павлом Степановичем, знаменитым трагиком. В ту пору на сцене московского театра часто играли Мольера. Федор Федорович Кокошкин, переводчик «Мизантропа», с особым удовольствием передал своей любимице роль Прелестиной, стараясь при этом раскрыть все особенности поведения кокетки высшего общества. Молодая понятливая актриса выступила с этой ролью в бенефис Мочалова и превзошла все ожидания учителя. Ей аплодировали почти так же азартно, как и бенефицианту, многие исполняемые Синецкой монологи прерывались «восторженным партером», как пишет современник. Не меньший успех имела Синецкая в комедии Шеридана «Школа злословия», переведенной на русский А. И. Писаревым и названной им «Лукавиным».

Блестящий дебют Синецкой, громкий успех у зрителя, последовавший вскоре после ее появления на московской сцене, нисколько не повредил ее молодому дарованию, напротив, вызвал еще большее желание работать и учиться мастерству.

Известно, что видный в то время драматург А. А. Шаховской, который часто приезжал в Москву, любил сам осуществлять постановку своих спектаклей. И был в этом качестве весьма строптив и своенравен. Но с Синецкой он никогда не проявлял столь свойственного ему раздражения, работал с величайшим удовольствием, и вряд ли только потому, что попадал под обаяние ее яркой, вызывающей неизменный интерес натуры. Скорее всего, ему была любопытна ее трактовка роли, свой подход к ней, желание вникнуть глубже, привнести от себя многое, что она почерпнула из наблюдений над людьми, над жизнью.

Возможно, что Шаховской, услышав от Синецкой, какой она видит свою героиню, как понимает ее характер, да еще посмотрев на игру актрисы, еще и еще раз задумывался над пьесой и вносил в нее изменения.

Все современники-театралы отличали серьезный подход актрисы к исполнению любой роли.

Прежде всего она не просто выучивала монологи и диалоги, но старалась понять и создать свой характер героини, обдумывала психологические мотивы ее поведения, то есть, как теперь говорят, входила в образ. И эта ее самостоятельность нисколько не раздражала, как мы уже видели, даже такого избалованного славой, чрезвычайно честолюбивого драматурга и режиссера, как Шаховской. Партнеры ее, будь то Щепкин, Мочалов либо другие, менее известные актеры, всегда были довольны, когда выступали с ней в спектаклях. Объяснить это можно, на мой взгляд, тем, что она сумела стать личностью со своим видением мира, искусства, людей, умно разбиралась в психологической подоплеке тех или иных человеческих поступков — все это оказывало влияние на окружающих: ей верили, с ней соглашались.

Известный автор водевилей Ленский пишет специально для Синецкой роль госпожи Нерис в водевиле «Крестная маменька». Пьеса эта была даже напечатана с портретом актрисы. По роли Синецкая должна была петь куплеты, но она не пела, а проговаривала их, прерываемая аплодисментами, несмолкаемыми, покуда не повторяла вновь:

Божусь, что петь я сроду
не умела,
Позвольте мне куплет мой
прочитать.
Тем более, что если б я
запела,
Оркестру бы беды
не миновать.

Не каждая артистка могла позволить себе такую вольность — это право надо было заслужить...

Похоже, ей под силу были любые роли, даже мужские. В первый свой бенефис Мария Дмитриевна исполняла и мужскую, и женскую роли — брата и сестры в водевиле, который сочинили опять же специально для нее Петр Андреевич Вяземский и Александр Сергеевич Грибоедов. Водевиль этот носил название «Брат и сестра, или Обман за обманом».

Вообще, окружению Синецкой с молодых лет мог позавидовать всякий образованный человек, живущий в сфере интересов искусства или литературы. В своей памятной книжке режиссер С. П. Соловьев вспоминает:

«Быть у нее в доме каждый артист считал для себя особенным удовольствием. Когда я, получив приглашение, пришел к ней, то нашел в ее гостиной приятное общество: там были Д. Т. Ленский, М. С. Щепкин, И. В. Самарин, А. Е. Варламов... В гостиной не было роскоши и блеска, но все было как-то особенно уютно и с большим вкусом: войти в эту комнату было для каждого очень приятно, а выйти никому не хотелось...»

Казалось, диапазон артистических возможностей Львовой-Синецкой не имеет границ: ей аплодировали и в трагедии, и в драме, и в комедии, и в водевиле за умение мастерски читать со сцены монологи, стихи, мелодекламировать, танцевать, хорошо двигаться по сцене...

Не обладая достаточным голосом для вокальных выступлений, она так читала, говорила под музыку, что часто такие ее выходы на сцену предпочитали пению самых блестящих исполнителей.

Ее нередко противопоставляли Мочалову, который мог сыграть и блистательно, и просто дурно, а с Синецкой такого никогда не происходило. Мочалов, игравший чаще всего по наитию, не сумевший до конца своих дней полностью выявить свою гениальность, случалось, только портил роль, когда задумывался над ней, старался донести до зрителя мысль автора.

Сергей Тимофеевич Аксаков в своих воспоминаниях рассказывает, как Шаховской часто скрывал от великого артиста приезд на спектакль тех или иных именитых особ или знаменитых актеров из Петербурга, Каратыгина, к примеру. Шаховской уже не раз подмечал за Мочаловым: стоит ему начать стараться, чтобы понравиться гостям, он непременно испортит впечатление о себе.

Львова-Синецкая же, напротив, никогда не полагалась на одно вдохновение или импульс, который будто должен обязательно сработать на спектакле. Она всегда серьезно готовилась к предстоящему выступлению, не говоря уже о всей предшествующей работе, когда спектакль только создавался. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что порой все аплодисменты предназначались Синецкой, а не ее гениальному партнеру, полагавшемуся лишь на вдохновение, порой изменявшее ему...

Но примечательно, что отношения Синецкой и Мочалова не менялись даже при такой ситуации. Напротив, известно, что великий трагик относился к Марии Дмитриевне с неизменной симпатией и уважением на протяжении многих лет, бывал у нее в гостях и посвятил даже ей стихотворение.

Нам ничего не известно о личной жизни этой удивительной актрисы и женщины. Возможно, что семьи у нее так и не сложилось. Современники вспоминают, что в ее доме постоянно жили какие-то приживалки, которых она кормила, одевала — попросту содержала. Здесь уже говорилось об ее редкой отзывчивости, о том, как она умела и всегда хотела помочь своим собратьям по искусству...

Такой женщине, конечно, не просто было найти себе пару, особенно в те времена. Мы знаем, как печально рано оборвалась театральная жизнь ее талантливой современницы Надежды Репиной. В тридцать два года, выйдя замуж за Алексея Николаевича Верстовского, эта любимица московских зрителей покинула сцену Большого Петровского театра.

Вряд ли такая участь могла привлечь Марию Дмитриевну Львову-Синецкую. Скорее, пример этот мог испугать ее, отвратить от всякой мысли связать свою судьбу с другим человеком. А скорее всего, просто не встретила она того единственного, любовь к которому одержала бы верх над ее страстью, призванием к театру. Во всяком случае, в дошедших до нас воспоминаниях о Синецкой нигде не говорится ни о ее замужестве, ни просто о ком-либо, занявшем заметное место в ее жизни.

Львова-Синецкая провела долгие годы на сцене — более сорока лет. С возрастом менялись ее амплуа, но мастерство неизменно росло.

В новых ролях, что теперь приходилось играть актрисе, — дородных матерей и старух, — она по-прежнему находила живой отклик у зрителей, которые награждали ее, как и раньше, бурными аплодисментами.

А. СКОНЕЧНАЯ